

ЮРИЙ ЛЕВАДА,

доктор философских наук, профессор, директор Аналитического центра Юрия Левады, Москва

Бремя мнимого выбора¹

Abstract

Pseudo-alternative nature of the forthcoming presidential election in Russia is a logical outcome of the power and influence vertical that has been formed for many years in this state. Starting from this presupposition, the author analyses the public opinion dynamics among the Russian citizens relative to the assumed criteria of choice as to a presidential contender on behalf of the party in power (i.e. “winner”), on the one hand; as well as electoral intentions and expectations of the population, on the other hand. Based on this analyze, the author arrives at the conclusion that the interdependence between the functions of ruling clique and mass may change as a result of transition from “procedural” to historical choice. A new structure of society characterized by a gradual weakening of the highest ranks can pave the way for modern patterns of two-sided dependencies in the future.

Заведомая псевдоальтернативность предстоящих президентских выборов — вполне — логичный итог долголетних процессов формирования “вертикали” власти и влияния. Бремя выбора (точнее, *отбора*) депутатов разного уровня, губернаторов, сенаторов и т.д. — практически целиком лежит на центральной власти (на тех или на том, кто от ее имени выступает). Теперь это касается и выбора президентского “преемника”. Разумеется, речь идет не о выборе кандидата, а о выборе “победителя”.

Как бы по умолчанию, допускается, что избиратели в массе своей примут как неизбежность и сам прием “назначения” наследника, и того неизвестного пока фаворита, которому эта роль будет поручена. (Правда, сами усилия властных и околовластных структур по созданию нужного социаль-

¹ Редакция выражает признательность Л.Д.Гудкову, предложившему для публикации в нашем журнале статью Юрия Александровича Левады, напечатанную ранее в “Вестнике общественного мнения” (2006. — № 4. — С. 8–14).

ного фона и “климата” для успеха предстоящей процедуры выдают напряженность и некоторую, пожалуй, даже растущую, неуверенность в среде ее разработчиков.) Сейчас представляется очевидным, что заметные или возможные в отмеренные сроки (год с небольшим) расхождения и колебания общественных предпочтений решающего влияния на исход электорального мероприятия не окажут. Это отнюдь не лишает смысла внимательное рассмотрение динамики массового сознания за предстоящий период. Во-первых, перед нами поучительный процесс очередного направленного давления на все сферы и механизмы общественного мнения, наглядно демонстрирующий его ресурсы и слабости. А во-вторых, те оговорки и сомнения, которые, видимо, будут сопровождать принятие российскими избирателями предложенного (навязанного) им результата “верхушечного” выбора, надолго определят *качество* общественной поддержки “преемника” и его окружения.

Сложность упрощения

Все более очевидная в обществе, особенно на государственных высотах, суевливая напряженность вокруг “проблемы 2008 года”, на первый взгляд совершенно не соответствует предельной простоте ситуации — как сегодняшней, так и наиболее вероятной на момент предстоящей массовой электоральной процедуры с гарантированным результатом. Однако при ближайшем рассмотрении можно заметить, что видимая простота *ситуации и перспективы — обманчива*. Далеко не простыми являются и сам социально-политический (на деле — административно-технологический) механизм подготовки заготовленного избирательного действия, и его последствия, причем не столько ближайшие, сколько отдаленные. Некоторые стороны этих проблем видны по недавним исследованиям российского общественного мнения.

Согласно апрельскому опросу 2006 года (N = 1600), 33% граждан считают, что на президентских выборах 2008 года “будет происходить **реальная борьба** между кандидатами”, 51% — что “будет создаваться **видимость борьбы**, а Президентом все равно признают того, на кого укажет Путин”. Примечательно, что чаще других “реальную борьбу” допускают в потенциальном электорате “Единой России” (45% против 43% предугадывающих “видимость борьбы”). Странники КПРФ ожидают более циничной ситуации (31% : 59%), а жириновцы еще более реалистичны (28% : 62%). Трудно предположить, что сегодняшняя партия власти и ее патроны действительно опасаются каких-то сильных конкурентов сегодняшнему Президенту или его фавориту. Скорее всего, дело в том, что именно группе приближенных (“допущенных к выбору”, если пользоваться удачным образом Ф.Искандера) приходится выбирать не столько персону “наследника”, сколько *механизм его легитимации* как в узких “опорных” группах, так и в глазах фантомной общественности, не говоря уже о “внешнем имидже” (= важнейший — и даже наиболее успешный — фактор поддержания имиджа “внутреннего” в наличной ситуации многозеркальных отражений).

Вот несколько из трудно совместимых вариантов, которые волей-неволей приходится перебирать в поисках *хотя бы* приближенных решений таких задач:

Во-первых, желательно поддержать некоторую видимость легитимности (или признанности?) переходных процедур при очевидном отрицании буквы и духа соответствующих законов, международных прецедентов и т.д.

Во-вторых, при неизбежных перетрясках в ближайшем окружении первого лица требуется сохранить в неприкосновенности “вертикальную” опору (реперный административно-политический механизм) власти и соотношение конкурирующих групп влияния в ее верхних эшелонах.

В-третьих, приходится заботиться о личной и групповой (карьерной, статусной и пр.) безопасности круга причастных к принятию решений.

В-четвертых, остается болезненной проблема сочетания сугубо ситуативных, рассчитанных на немедленный эффект акций с учетом минимальной перспективы (например, на начальный, самый турбулентный период следующего административного периода, когда произойдет исчерпание накопленного ресурса — материального и морального (доверия, терпения, готовности ждать улучшений)).

В-пятых, нужно придать видимость какого-то “обновления” курса, стиля, кадрового состава при стремлении по мере возможности сохранить неизменными сложившиеся за последние годы тенденции и нравы в политике, соотношения между различными группами в верхних эшелонах и т.п. (здесь показательны непрерывные перестановки в правительстве и администрации, а также “прокурорская” перетряска (июнь–июль 2006 года).

Такой перечень каверзных проблем можно, видимо, продолжать довольно долго.

Судить об их значении позволяют напряженные — и все более заметные за последние месяцы — поиски конструкции и условий запуска “передаточного механизма”, пригодного для того, чтобы с наименьшими рисками осуществить сочленение несовместимых вариантов. К такому типу акций, очевидно, относятся публичные обсуждения возможности “третьего срока” В.Путина (не стихающие при том, что действующий Президент многократно отвергал такой вариант), откладывания выборов, замены прямых выборов косвенными (скажем, через Думу или СФ), продления президентского срока до 5–7 лет, повторного выдвижения кандидатуры В.Путина через срок, то есть в 2012 году, пожизненного президентства на восточный (например, туркменский) манер и т.п. Общественное мнение России, судя по опросам, более или менее готово принять (причем эта готовность шаг за шагом возрастает) лишь два варианта — “Путин-3” и “назначенный наследник”. По июльскому опросу 2006 года (N = 1600 человек), оба варианта получили равную потенциальную поддержку — по 40% от числа опрошенных (что соответствовало бы примерно по 60% участвующих в голосовании).

Параллельно — примерно с того же времени и с такой же поспешностью — происходит формирование определенного квазиидеологического и эмоционального “фона” предполагаемой “передаточной” процедуры. К значимым шагам в этом направлении относятся реанимация концепции “враждебного окружения” страны, придание официального статуса представлениям об “особом” пути России (“суверенная демократия”) и соответствующие трактовки правопорядка, гражданских институтов, свобод и т.д. В отличие от партийно-советской модели нынешняя властная система с ее предельно прагматичными ориентациями не претендует на идеологичность и не нуждается в апелляциях к какому-либо идейному комплексу, сакрализованному “учению” и т.п., довольствуясь квазиидеологическими инструментами (призывами, слоганами, заклетами ad hoc, которые вводятся в оборот в конкретных аварийных или мобилизационных ситуациях). По аналогич-

ным образцам происходит и формирование дополнительных организационных средств поддержки властной вертикали (в частности, создание сети молодежных движений — клакерских и воинствующих).

“Партизация” как мост к выборам—2012?

Недавно (в июне 2006 года) общественному вниманию была предложена идея вступления Президента В.Путина в “Единую Россию”. Понятно, что речь идет не просто о членстве, а о *лидерстве* в партии. (Что, при существующей государственно-политической системе, поставило бы эту организацию в позу “руководящей и направляющей силы” общества, имитирующей претензии былых времен.) Можно предположить, что позиция партийного лидера позволила бы В.Путину уверенно привести на президентскую должность в 2008 году свою креатуру, сохранив в собственных руках (при помощи того же близкого окружения, но уже в масках партийных функционеров) всю полноту реальной власти и гарантию законного возврата на высший пост в 2012 году — на следующие два срока... Как известно, жесткий партийно-государственный механизм в XX веке дважды (в начале 1920-х и в начале 1950-х) оказался способным обеспечить преемственность властных структур в напряженных ситуациях смены лидеров и превратностях политического курса. Сомнительно, чтобы нынешняя властная вертикаль и квазипартийные структуры “единороссов” смогли бы исполнить аналогичные функции, а общество — принять это как должное. Пока общественное мнение (июль 2006 года, N = 1600 человек) явно не готово к “партийному проекту”: лишь 21% против 62% опрошенных поддерживает членство Президента в партии, а избрание В.Путина лидером “Единой России” одобрили бы 34% против 43%, что незначительно (на 2%) улучшило бы массовое отношение к этой партии и более заметно (на 7%) ухудшило бы отношение к самому Путину. Конечно, пока перед нами не электоральные прогнозы, а только оценки текущих общественных настроений: в реальной предвыборной ситуации, когда будут задействованы колокола “громкого боя” и орудия массового политического поражения, распределение мнений может оказаться иным.

Кстати, как можно судить по утечкам информации с государственного “верха” на конец июля, согласия по поводу “партизации” президентской должности там нет.

В настоящий момент перед нами — исключительная, как будто невероятная ситуация: в условиях до нельзя персонализированного на вершине механизма власти — относительно краткий промежуток полной обезличенности будущего первого лица, носителя “главной” маски государства. Предстоящие поиски “черного кота в темной комнате” (где он, по утверждению действующего Президента, уже находится) акцентируют общественное и исследовательское внимание не на персоналиях, а на принципах и механизмах назревающего политического перехода. Ключевая его проблема — не смена лиц, а смена (или отсутствие смены) социально-политического *режима* нынешнего образца. Тем самым характер предстоящего выбора как будто предельно упрощен — и, в то же время, *предельно обобщен*, причем в сугубо *прагматическом* плане: речь ведь идет не о выборе (предполагаемом, обсуждаемом, возможном или маловероятном) между лицами, идеями, программами, партиями и т.д., а “всего лишь” между сохранением и сменой существую-

щего в стране режима. (Другое дело — когда и как этот выбор станет реальным.) Сторонникам нынешней властной системы продолжение ее существования неизмеримо важнее ее личностного воплощения. Кстати, это обстоятельство, видимо, относится и к “другой стороне” (того же процесса) — оппонентам режима (вне зависимости от их собственной готовности это воспринять и признать). Во всех системах персонализированного правления любой решающий выбор в значительной мере зависит от произвола, прихоти, сиюминутных симпатий-антипатий и т.п. факторов, которые могут быть лишь предметом гаданий, интуиции, воображения. При том, что предметом исследования неизменно остаются социальные условия и рамки действия подобных факторов. А кроме того, даже сокровенные тайны власти выходят наружу в ее метаниях и срывах, за которыми кроются комплексы неуверенности, неполноценности, мании преследования и утраченного величия.

Ограничимся в дальнейшем изложении некоторыми аспектами *персональных* ожиданий. На протяжении последнего года в общество один за другим вбрасываются варианты сугубо условного выбора между “Путиным” (вариантом продления срока деятельности нынешнего Президента), “другим Путиным” (назначенным наследником) и “не-Путиным” (“принципиально другим” кандидатом, оппонентом действующего). Если общество, общественное мнение не могут знать, “кто” предназначен (волей власти, околоставных интриг и пр.) занять главную должность, то они имеют основание представить, *каким может быть* (и каким, скорее всего, если использовать метод исключения, *не может быть* засекреченный “наследник”. Как мы увидим далее, не лишены интереса и распространенные в обществе мнения на этот счет.

Между прочим, сам феномен (факт) строжайшего засекречивания имени уже подготовленного (по утверждению В.Путина) “престолонаследника” — весьма интересный показатель характера существующего режима и происходящих в нем процессов (на решающей, “подковерной” плоскости). Логично допустить, что ореол “совсекретности” в данном случае — не просто результат господской прихоти, а необходимое условие деятельности сегодняшней властной системы. (Без “тайны” у подобной системы, пользуясь терминологией известного персонажа Ф.Достоевского, не остается ни “чуда”, ни “авторитета”.) Тем более, что в критической “передаточной” ситуации предание хотя бы полугласности имени преемника немедленно превращает этого человека, кто бы им ни был, в объект жесточайшей внутренней конкуренции и беспредельных опасений — прежде всего со стороны действующего “первого лица”¹. Сохранение в глубокой тайне фигуры “наследника” означает поэтому не только полнейшую уверенность “верха” в готовности подданных принять “втемную” любого назначенца, но и нескрываемый страх перед превращением избирательной процедуры в предмет публичного выбора.

¹ Архетип этой стороны властного перехода в абсолютизированных системах правления был представлен в знаменитом исследовании Джеймса Фрэзера на примере некоего древнего царства в Ариции, где законным преемником верховного жреца (он же царь), обладавшего безграничной властью, становился тот, кто его убьет. (*Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. — М., 1980. — С. 10*). Панический страх всемогущего правителя перед заговорами и покушениями со стороны ближайшего окружения и возможных наследников — приметная ситуация сталинского периода.

**Откуда придет “преемник”?
Выбор “желаемый” и выбор “ожидаемый”**

Данные недавнего опроса позволяют сопоставить пожелания респондентов о том, из какой среды следовало бы избирать Президента в 2008 году, и их предположения относительно того, откуда В.Путин выберет своего преемника.

Таблица 1

Из какой среды выбирать следующего Президента России?*

Варианты ответов	Как следовало бы поступить	Как, скорее всего, поступит В.Путин
Из ближайшего окружения Путина	31	55
Из числа министров, руководителей правительства	6	9
Из руководителей и депутатов Госдумы, Совета Федерации	4	2
Из лидеров политических партий, общественных движений	9	2
Из руководителей регионов	7	2
Из руководителей предприятий, фирм, банков	2	0
Из крупных военачальников	2	1
Из руководителей прокуратуры, судов, МВД	1	1
Из руководителей ФСБ	2	5
Из дипломатов, специалистов по международным отношениям	1	2
Из ученых, специалистов	1	1
Из уважаемых деятелей культуры, литературы, СМИ	2	1
Из независимых политиков, авторитетных общественных деятелей	11	2
Другое	1	0
Затруднились ответить	19	19

* В % к числу опрошенных, май 2006 года, N = 1600

Приоритеты собственных предпочтений и ожиданий относительно действий В.Путина во многом, хотя и не полностью, совпадают: почти треть опрошенных принимает как должное преемника из “ближайшего окружения” нынешнего Президента, более половины полагают, что именно этим кругом и ограничится его выбор. Как видим, для общественного мнения фактически имеют значение только два источника, из которых может появиться преемник нынешнего Президента: окружение В.Путина и некие (скорее, воображаемые) “независимые политики”. Все остальные перечисленные группы заметного внимания не привлекают. Но у В.Путина, по общему мнению респондентов, круг выбора оказывается еще более узким — собственное окружение и, значительно реже, чиновники из правительства, еще реже — из ФСБ. Никаких надежд на то, что Президент в поисках преемника может обратиться к партийным лидерам или независимым авторитетам, не просматривается. Если учесть, что показатели “игры” массового во-

ображения (а оба столбца в приводимой таблице описывают эти феномены) в определенной мере отражают распределение общественных ожиданий, приходится признать, что мы имеем дело с признаками поистине уникальной (“суверенной”?) социально-политической ситуации, аналога которой трудно обнаружить и в отечественной, и в мировой практике.

Как известно, в партийно-советской традиции кадровым резервом высшего уровня являлись прежде всего региональные партийные лидеры, “хозяйева” областей, республик (по траектории “периферия–центр” двигались в свое время Киров, Жданов, группа “ждановцев”, Хрущев, Брежнев, Андропов). Лишь единожды, в условиях глубокой деградации режима, главный пост ненадолго достался сугубо аппаратному чиновнику (К.Черненко). В устойчивых западных демократиях на первые роли чаще всего выдвигаются либо региональные деятели (губернаторы штатов, мэры крупных городов), либо парламентские и партийные трибуны. (Неустойчивые латиноамериканские, азиатские варианты — не в счет.) В современных российских условиях никакой из этих путей продвижения на высоты практически нельзя даже вообразить. Принципиально важно, что это признается как общественным мнением “в целом”, так и всеми его политическими “фракциями” (партийными электоратами). За последние годы регионам, парламентским институтам и допущенным к власти политическим партиям пришлось утратить все признаки самостоятельности, превратившись в обезличенное, если не обезглавленное продолжение центрального административного аппарата. Привлекавшие общественное внимание фигуры парламентских ораторов и экранных героев отошли в сферу памяти о “ранней” перестройке. Реальный (то есть не декоративный) кадровый ресурс высшей правящей группировки как будто ограничен ее собственными рамками. В последнее время отрабатывается механизм горизонтальных перестановок в герметично замкнутых кругах администрации, правительства, судебной-прокурорской сферы. Показательной можно считать прокурорскую “рокировку” июня–июля 2006 года (В.Устинов–Ю.Чайка). Допуск какой бы то ни было новой фигуры в замкнутую сферу “своих” не желателен, хотя бы потому, что может привлечь общественное внимание к теневым сторонам деятельности властных институтов и лиц разного уровня.

Критерии отбора преемника — “желаемые” и “ожидаемые”

Обратимся к следующему ряду данных того же исследования (табл.2).

Здесь расхождения между массовыми пожеланиями, с одной стороны, и представлениями о том, как будет действовать В.Путин — с другой, *разительно* отличаются по *всем без исключения* пунктам (чем, конечно, и интересны). Самое показательное: в общественном мнении главными критериями выбора преемника являются его *моральные* качества, но от В.Путина обращения к таким критериям ожидают вдвое реже. Примерно такой же разрыв (в два раза) между распространенностью пожеланий и ожиданий по таким пунктам, как способность наследника быть лидером и уважения к нему населения. Зато критерий доверия со стороны нынешнего Президента в суждениях о действиях В.Путина указывается *вдвое чаще*, чем в представлениях о том, как следует поступать, а “нынешняя близость к Президенту” — *шестеро* чаще.

Таблица 2
Чем руководствоваться при выборе следующего Президента России?*

Варианты ответов	Как следовало бы поступать	Как поступит В.Путин
Квалификацией, опытом работы	39	27
Моральными качествами (честность, порядочность, бескорыстность, неподкупность)	51	24
Умением работать с людьми	28	17
Способностью быть лидером, вести за собой людей	31	15
Независимостью, самостоятельностью	15	6
Доверием со стороны действующего Президента	12	25
Уважением населения России	38	17
Нынешней близостью к В.Путину	5	29
Другое	1	0
Затруднились ответить	5	14

* В % к числу опрошенных, май 2006 года, N = 1600.

Приведенные данные уместно рассмотреть более подробно, в разрезе различных социальных и политических групп.

Таблица 3 А
Критерии выбора преемника В.Путин (группы по возрасту)*

Возраст	Квалификация	Мораль	Работа с людьми	Быть лидером	Независимость	Доверие Президента	Уважение населения	Близость к Путину
ЧЕМ СЛЕДОВАЛО БЫ РУКОВОДСТВОВАТЬСЯ?								
18–24 года	42	47	32	35	13	12	33	4
25–39 лет	42	52	28	30	14	11	39	5
40–54 года	39	49	29	32	15	13	35	4
55 лет и больше	37	54	25	27	16	12	43	5
ЧЕМ БУДЕТ РУКОВОДСТВОВАТЬСЯ В.ПУТИН?								
18–24 года	34	22	17	19	5	25	19	26
25–39 лет	27	26	14	16	5	28	18	30
40–54 года	27	24	16	16	5	26	14	29
55 лет и больше	23	24	15	17	7	23	18	29

* В % к числу опрошенных.

Значительная разница между представлениями о “должных” и “ожидаемых от В.Путин” действиях (критериях выбора) наблюдается во всех возрастных группах; масштабы такого расхождения в различных группах почти одинаковы. Прагматические критерии (квалификация, работа с людьми, лидерство) чаще по душе более молодым, в зрелом и более старшем возрасте больше значения придается ценностным критериям (моральные качества, независимость, уважение со стороны населения). Как младшие, так и старшие не придают большого значения таким показателям “фаворитизма”, как доверие Президента и близость к нему.

Таблица 3 Б

Критерии выбора преемника В.Путина (группы по образованию)*

Образование	Квалификация	Мораль	Работа с людьми	Быть лидером	Независимость	Доверие Президента	Уважение населения	Близость к Путину
ЧЕМ СЛЕДОВАЛО БЫ РУКОВОДСТВОВАТЬСЯ								
Высшее	43	56	29	37	17	12	41	3
Среднее	38	49	29	29	15	13	35	5
Ниже среднего	40	50	28	28	13	10	42	6
ЧЕМ БУДЕТ РУКОВОДСТВОВАТЬСЯ В.ПУТИН								
Высшее	33	30	16	18	4	27	17	27
Среднее	27	23	16	18	6	25	18	29
Ниже среднего	22	23	14	14	7	26	14	30

* В % к числу опрошенных.

Высокообразованные придают наибольшее значение квалификации, моральным качествам преемника, а также его лидерским способностям; заметно (в полтора-два раза) реже — но все-таки чаще, чем менее образованные — они надеются, что такие критерии использует и нынешний Президент. Критерии “фаворитизма” никто высоко не ценит, но значительная часть во всех группах (от четверти до трети) признает, что именно этот критерий использует В.Путин.

Таблица 3 В

Критерии выбора преемника В.Путина (партийные электораты)*

Партийные электораты	Квалификация	Мораль	Работа с людьми	Быть лидером	Независимость	Доверие Президента	Уважение населения	Близость к Путину
ЧЕМ СЛЕДОВАЛО БЫ РУКОВОДСТВОВАТЬСЯ								
КПРФ	39	52	24	35	12	8	42	3
ЕР	41	53	33	30	14	15	38	5
СПС	33	28	40	31	23	—	47	5
Яблоко	60	48	42	41	25	7	56	—
ЛДПР	35	48	35	35	9	3	41	4
“Родина”	41	42	22	31	15	8	40	—
ЧЕМ БУДЕТ РУКОВОДСТВОВАТЬСЯ В. ПУТИН								
КПРФ	16	15	13	11	5	25	17	36
ЕР	32	28	21	20	7	29	17	24
СПС	27	15	8	8	—	44	34	21
Яблоко	38	17	15	7	1	44	34	21
ЛДПР	19	11	7	10	4	30	10	32
“Родина”	32	43	35	28	8	20	32	18

* Партии, за которые готовы голосовать респонденты на следующих выборах в Думу.

Примечательно, что на первый план выдвигают прагматические критерии (и даже надеются, что они будут задействованы) скорее в демократической оппозиции. Моральные качества представляются важнее сторонникам коммунистов и “единороссов”, но ни те, ни другие (здесь важно обратить внимание на позицию “президентского” электората “ЕР”) почти не питают надежд на то, что такими критериями будет пользоваться Президент. К тому же и этот электорат не склонен явно одобрять принципы “фаворитизма”.

Создается впечатление, что массовая готовность вынужденно (за отсутствием иных вариантов) принять выбор В.Путина не означает готовности принять *критерии* такого выбора.

Время выбора: “процедурного” и “исторического”

Запланированная на март 2008 года электоральная процедура, скорее всего, не принесет никаких серьезных неожиданностей ни ее организаторам, ни массовым участникам и сторонним наблюдателям. Но столь же ясно, что эта процедура — вне зависимости от ее персональных или эмоциональных компонентов — может означать лишь момент в подготовке неизбежных, назревших, наболевших перемен “большого”, социально-исторического масштаба. В подобных ситуациях “ближний” выбор (лица, близкого окружения, стиля, отчасти и курса) обычно сохранял свое значение до тех пор, пока не оказывались исчерпанными накопленные ранее ресурсы доверия, надежд, терпения (для пояснения ситуации годятся аналогии с нынешней ресурсно ориентированной экономикой). На это время постэлекторальная ситуация выглядит непосредственным продолжением ныне существующей (“предэлекторальной”), инициатива — и риски — “выбора” безраздельно принадлежит “верху” (независимо от напряженности и коллизий на этом уровне), “низам”, как мы уже видели, приходится принимать заготовленный результат. (Фигурально выражаясь, массовое участие в этой процедуре упрощено до роли легендарной праматери в своем брачном выборе; правда, в ее случае не приходилось задумываться о последствиях и нельзя было ссылаться на возможность “худшего” варианта.) Но самое нагруженное звено в общественной “цепи” неизбежно оказывается и самым слабым, что — по общему правилу — определяет слабость всего устройства. Это важно иметь в виду, поскольку “ближние” перемены не снимают накопившихся проблем, а лишь перекладывают их на другие плечи. Более значимый, “дальний” выбор (социально-политического строя, режима), предполагающий изменение самих проблем и средств их решения, неизбежно растянут во времени; сигналом к началу такого процесса (отнюдь не процедуры) служит исчерпание ресурсов.

Правомерно допустить, что переход от “ближнего” выбора к дальнейшему в определенной мере изменит соотношение “верхушечных” и “массовых” функций. Вернуться к иллюзиям “массовых” переворотов XIX века невозможно, но структуризация общества при нарастающей слабости верхушечных его уровней в перспективе может создать почву для более современных образцов двусторонних зависимостей.